

НА ЛИНИИ ФРОНТА
ПРАВДА О ВОЙНЕ

Роберт Джонс

ЛЕНД-ЛИЗ **ДОРОГИ В РОССИЮ**

ВОЕННЫЕ ПОСТАВКИ США ДЛЯ СССР
ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

1941—1945

Роберт Джонс
Ленд-лиз. Дороги в Россию.
Военные поставки США
для СССР во Второй
Мировой войне. 1941-1945
Серия «На линии
фронта. Правда о войне»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11614325

Ленд-лиз. Дороги в Россию. Военные поставки США для СССР во Второй мировой войне. 1941–1945 / Джонс Р.Х. Пер. с англ. А.Л.

Андреева.: Центрполиграф; Москва; 1915

ISBN 978-5-9524-5156-8

Аннотация

Профессор-историк Роберт Джонс посвятил свою работу поставкам по ленд-лизу в Советский Союз во время Второй мировой войны. Автор провел исследование опубликованных официальных и неофициальных документальных американских, британских и советских источников, а также неопубликованных документов отдельных лиц и организаций, участвовавших в программе ленд-лиза. Он собрал данные, почему и как ленд-

лиз стал реальностью, кто руководил программой, какими маршрутами осуществлялись поставки, а также рассказал о сложностях, стоявших на пути доставки грузов в Россию, об объемах поставок, осуществленных в рамках каждого протокольного соглашения.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	56

**Роберт Хан Джонс
Ленд-лиз. Дороги в
Россию. Военные поставки
США для СССР во
Второй мировой войне**

R. H. Jones

"The Roads to Russia: United State Lend-Lease to the Soviet Union",

University of Oklahoma, 1969

Предисловие

На Тегеранской конференции (28 ноября – 1 декабря 1943) Сталин заявил британскому и американскому коллегам, что «без американской продукции война была бы проиграна». Основываясь на данных по поставкам, можно смело утверждать, что Сталин в данном случае открыто и точно оценил важность ленд-лиза для выживания России. К тому же у него были веские причины отдать дань уважения своим союзникам: войну еще нужно было выиграть. Немцы все еще находились далеко в глубине территории России, и поставки по ленд-лизу продолжали быть для России абсолютной необходимостью, чтобы прийти к победе и тем завоеваниям, которые за ней последовали.

Обвинение западных союзников в том, что они использовали программу для того, чтобы просто заставить Россию сражаться на войне вместо себя, опровергнуть сложно. И не потому, что это правда, а потому, что оно может показаться логичным в нашем прагматичном материалистическом мире. И особенно оттого, что президент и Комитет по защите Америки посредством помощи союзникам, видимо, полагали, что они вынуждены использовать этот аргумент, чтобы объяснить смысл программы ленд-лиза американскому народу. Разумеется, страны, возглавившие борьбу за свободу, создавшие содружество свободных народов, учредив-

шие Организацию Объединенных Наций, давшие миру план Маршалла, были в состоянии оказать материальное содействие союзнику по общей борьбе за разгром нацизма. Правда, высшие военные чины в США решительно противились поставкам в Россию, так как это серьезно влияло на подготовку к войне самой Америки. Но по приказу главнокомандующего об этом было принято молчать.

По самым скромным подсчетам, в период с 1941 по 1945 г. Соединенные Штаты поставили в Россию по ленд-лизу грузов на сумму 10 млрд 200 млн долларов США. В эту цифру не включены стоимость доставки материалов американскими самолетами и судами из США в Россию. Длина самого короткого и наиболее рискованного морского маршрута до Мурманска и Архангельска составляла примерно 4500 миль, а самого длинного, через Персидский залив и мыс Доброй Надежды, – примерно пятнадцать тысяч миль. С учетом астрономических значений веса и расстояния для материалов, перевозимых в военное время, ставок морского фрахта и страховки дополнительная стоимость только этих услуг увеличивала общую стоимость поставок еще на 700 млн долларов.

Из своих запасов Соединенные Штаты отправили в Россию миллионы тонн (4 460 800 длинных тонн) продовольствия, в том числе пшеницы, муки, мяса, яиц (яичного порошка), молока, свиного жира и сливочного масла. Это спасло русские войска от голода в тот самый момент, когда об-

ширные просторы основных сельскохозяйственных земель России были захвачены немцами.

С американских фабрик и заводов поступали кожа, резиновая обувь, сапоги, материал для военного обмундирования, одеяла – все в количестве достаточном, чтобы обустроить, одеть и уложить в кровать все вооруженные силы России. Эти поставки обеспечили русскому солдату возможность сражаться круглый год: при пронизывающем холоде снежной зимы, в грязи и жиже весеннего снеготаяния. С американских оружейных заводов в Россию отправляли оружие и боеприпасы в тех же объемах, что и для американских войск, а также достаточное количество взрывчатых веществ, чтобы дополнительно изготовить огромное количество боеприпасов. На американских предприятиях изготовили огромное количество колючей проволоки, которую советские солдаты, вероятно, эффективно использовали при построении своих знаменитых «островов обороны», что срывали временные графики нацистов и помогли Советам отстоять Ленинград, Москву и Сталинград.

Победа под Сталинградом остановила продвижение немцев в России на восток. Оказавшись в условиях суровой русской зимы с растянутыми линиями коммуникаций, подорвав моральный дух, вермахт не сумел остановить сокрушительное контрнаступление хорошо накормленных, тепло одетых и прекрасно вооруженных русских войск. И в этом есть отчасти заслуга поставок по ленд-лизу. Однако победа под Ста-

линградом ни в коей мере не означала, что Советский Союз выиграл войну с Германией. Последняя все еще оккупировала огромные территории СССР, где располагались значительная часть советских довоенных промышленных мощностей, а также большие площади лучших сельскохозяйственных земель. Ослабленная в промышленном отношении Россия в значительной степени не располагала необходимыми имуществом и материалами, чтобы должным образом оснастить свою армию для выполнения задачи отбросить обратно немцев, которые в начале 1943 г. все еще занимали огромные территории СССР, местами более чем на тысячу миль от западной границы. И все это было предоставлено благодаря ленд-лизу. В рамках этой программы к 1943 г. было отправлено значительное количество грузов. Американские грузовики, джипы и разведывательные автомобили поставили русскую армию на колеса, обеспечили мобильность ее ударным группировкам, которые опрокинули немцев. Телефонное оборудование и провода позволяли осуществлять контроль за передвижением войск. Американские истребители и легкие бомбардировщики вместе с самолетами российского производства очистили небо от люфтваффе. Американские рельсы и железнодорожное оборудование позволили заново отстроить железнодорожную сеть России. Американские резиновые покрышки и бензин обеспечивали движение грузовиков и полет самолетов. Закаленные особые марки стали, алюминий и другие металлы, высококачественные

приборы и инструменты обеспечивали работу многих советских военных предприятий.

Большое количество американских торговых судов и военных кораблей сделало возможным участие русской стороны в транспортировке товаров, получаемых по ленд-лизу по Тихоокеанскому маршруту, укрепило оборону прибрежных вод России. Эти же факторы, по злой иронии, дали Советам возможность стремительно овладеть Восточной Европой с целью создать здесь в послевоенный период коммунистические государства-сателлиты.

Помимо всего прочего, трехмесячный объем поставок по ленд-лизу дал Советскому Союзу возможность действовать мощно и стремительно на Дальнем Востоке. Через несколько лет позиции СССР в Маньчжурии и в Корее позволили ей поддержать коммунистов в Китае, воспользовавшись царившей там смутой и недовольством правящим режимом. Таким образом, косвенно ленд-лиз отрицательно (для США и Англии. – *Ред.*) сказался и на решении дел в Азии.

Несмотря на то что Соединенные Штаты закрыли программу после окончания войны, Россия получила значительную помощь, что позволило ей начать послевоенное восстановление. Помимо оборудования для электростанций и целого завода по производству резиновых шин, эта страна приобрела значительное количество технологий, бесценных для послевоенного развития. Буровое оборудование и мощности по нефтепереработке дали громадный толчок развитию со-

ветской нефтяной промышленности.

Профессор Роберт Хан Джонс при поддержке Комитета по свободе личности Университета штата Иллинойс, который работал по гранту компании «Лилли Эндаумент Инк.», подготовил подтвержденный документами объективный анализ программы ленд-лиза США в Россию во время Второй мировой войны. Его работа представляет собой исчерпывающее исследование опубликованных официальных и неофициальных документальных источников (американских, британских и советских), а также неопубликованных документов лиц и организаций, участвовавших в программе ленд-лиза, переданных для изучения. Он собрал данные и составил всеобъемлющий отчет о том, почему и как ленд-лиз стал реальностью, кто руководил программой, какими маршрутами осуществлялись поставки, а также сложности, стоявшие на пути доставки материалов в Россию, объемы поставок, осуществленных в рамках каждого протокольного соглашения. Он описал, как использовались эти материалы в России, мнение русской и американской стороны относительно программы. Автор старался делать заключения, исходя лишь из того, что подтверждается фактическим материалом.

*Эдгар Л. Эрикссон,
профессор Иллинойсского университета*

Глава 1

Садовый шланг для борьбы с пожаром

В 1939 г. Америка наблюдала за тем, как тень свастики все дальше нависает над несчастной Европой. В марте эта тень накрыла Чехословакию и мрачным пятном двинулась дальше, в сторону Данцига и Польского коридора. К 1939 г. новые зловещие веяния омрачили и международные отношения. Нацистская Германия, фашистская Италия и их восточный союзник милитаристская Япония открыто глумились над международными законами. Они уважали лишь грубую силу. Договоры превратились просто в листы бумаги, а демократия, свобода и мораль стали темой скверных шуток. Вожди вышеперечисленных стран создали мощный союз, целью которого было достижение мирового господства. К такому кошмарному финалу Европа пришла всего через двадцать пять лет после начала Первой мировой войны (и менее чем через двадцать один год после окончания этой войны).

Вступив в союз с Польшей, Великобритания и Франция наконец решились остановить фюрера Германии, пока он не переварил Польшу так же, как уже успел поступить с Австрией и Чехословакией. Презрительно отвергнув альянс с Рос-

сией (предлагавшийся советским руководством пакт о взаимной помощи, который реально мог остановить агрессию гитлеровской Германии), британские и французские лидеры потеряли инициативу. Всегда относившиеся с подозрением к Западной Европе Советы, в свою очередь, заключили после срыва переговоров с Англией и Францией пакт о ненападении с нацистами. Подписанный 23 августа 1939 г., советско-немецкий пакт привел к фактической изоляции Польши¹. Адольф Гитлер тут же обрушился с бранью на поляков. Затем 1 сентября он спустил с цепи нацистские легионы, которые за три недели стерли Польшу с мировой карты. С 3 сентября война распространилась и на Англию с Францией. Это случилось после того, как немцы отвергли англо-французские ультиматумы с требованием отвести войска из Польши. С востока, с меньшим триумфальным шумом, но в точном соответствии с нацистско-советским соглашением, русские завершили еще один раздел Польши². 5 сентября в Соединенных Штатах президент страны Франклин Рузвельт обратился с ходатайством об отмене Акта о нейтралитете по отношению к воюющим сторонам.

¹ Которая перед этим отвергла предложения СССР о коллективной безопасности. (*Здесь и далее постраничные примеч. ред.*)

² Советские войска пересекли границу Польши с целью освобождения Западной Украины и Западной Белоруссии, захваченных поляками в 1919—1920 гг., только 17 сентября, когда польское правительство бежало в Румынию, то есть Польское государство фактически рухнуло, хотя отдельные соединения и части вооруженных сил продолжали сражаться.

Осенью и зимой 1939 г. солдаты противоборствующих сторон перекрикивались друг с другом из безопасных укрытий линий Мажино и Зигфрида. Этот период относительного бездействия в Западной Европе и в мире назвали «сидячей войной» или «странной войной». Но в это время разразилась война в Восточной Европе. Она началась 30 ноября 1939 г., после того как Финляндия отказалась передать Советскому Союзу стратегически важные для него территории (на Карельском перешейке) и заключить с ним пакт о взаимопомощи. Бесстрашные финны завоевали себе симпатии американского народа за то, что они умело защищали свою родную землю от агрессии России. Министерство финансов США по инициативе президента страны вычло из суммы задолженности Финляндии ежегодный полугодичный взнос. Позже конгресс проголосовал за мораторий этого долга. Конгресс также одобрил выделение финнам займа на сумму 10 млн долларов и дал разрешение экспортно-импортному банку выделить дополнительно к этому кредит еще на 20 млн на целевые закупки товаров мирного назначения. В это время финские бойцы отчаянно нуждались в вооружении и боеприпасах, но Америка приняла решение не нарушать свой нейтралитет. Позже Соединенные Штаты продемонстрировали свое осуждение советской агрессии, когда американский конгресс практически прервал отношения с Россией, значительно урезав на три года ассигнования на содержание ее посольства в США. Советский павильон на Всемирной

выставке в Нью-Йорке, столь популярный в 1939 г., в 1940 г. был закрыт. Лига Наций, пусть эта организация к тому времени и была выхолощенной и переживавшей последние дни, исключила Россию из своего состава.

Эта первая советско-финская война завершилась подписанием перемирия 12 марта 1940 г. Затем, когда зима сменялась теплой весной, немецкая военная машина с грохотом пришла в движение и за короткое время сокрушила Данию (9 апреля), Норвегию (9 апреля – 10 июня), Голландию (10—14 мая), Бельгию (10—28 мая) и Люксембург (10 мая). Французов с их линией Мажино обошли с фланга, прорвали и обрушили их оборону. Британский экспедиционный корпус, действовавший в Бельгии и во Франции, был отрезан и прижат к проливу Ла-Манш. Солдатам благодаря фантастическому стечению обстоятельств удалось спастись бегством и вернуться в Англию, но все их вооружение осталось на пляжах Дюнкерка. 10 июня 1940 г. Италия напала на Южную Францию³, а еще через семь дней французы запросили мира. «Кровавый маленький беспризорник», как Уинстон Черчилль окрестил Гитлера, воцарился в крепости «Европа». В августе и сентябре, под градом нацистских бомб, англичане вооружались кто чем мог в ожидании немецкого вторжения.

На востоке, поставив финнов в безвыходное положение, Советы обратили свой взор на страны Прибалтики – Эстонию, Латвию и Литву. В июне 1940 г., когда внимание изум-

³ Бросив 32 дивизии против 6 французских, но ничего не добились.

ленного мира было приковано к катастрофе во Франции, Россия поглотила эти три крошечных страны⁴. Протесты Соединенных Штатов и Великобритании были проигнорированы. Завершая серию своих завоеваний, Россия принудила Румынию уступить ей Бессарабию⁵ и Северную Буковину⁶. Гитлер и Иосиф Сталин, не доверявшие друг другу, поделили Европу между собой. И хотя непосредственной угрозой в глазах американцев был Гитлер, Сталин тоже вряд ли выиграл бы в конкурсе на популярность.

В течение почти года после того, как была разделена Польша и война распространилась по всей Европе, Соединенные Штаты продолжали ходить по канату и соблюдать нейтралитет, опасаясь распространения пожара войны и на Западное полушарие. Страна не торопилась укреплять собственную оборону. К маю 1940 г. численность регулярной армии была увеличена до 245 тыс. человек, Национальной гвардии – до 235 тыс. ВМС продолжали держать свои главные силы в Тихом океане на случай враждебных действий со

⁴ Литва, Латвия и Эстония вошли в состав СССР на совершенно законных основаниях. Сначала в этих странах прошли всеобщие тайные демократические выборы. Затем победившие на выборах демократические силы в лице народных парламентов обратились с просьбой о принятии своих республик в состав СССР. Просьба была удовлетворена в начале августа на VII сессии Верховного Совета СССР.

⁵ Оккупированную Румынией в 1918 г.

⁶ Населенную в основном украинцами, которую Румыния прихватила при разделе Австро-Венгрии в 1919 г.

стороны беспокойной Японии, а на Атлантике осуществлялось «наблюдение за соблюдением нейтралитета». Ограниченные рамками акта о нейтралитете, дополненного в ноябре 1939 г., Соединенные Штаты не могли напрямую оказывать помощь своим союзникам в Западной Европе иным путем, кроме как продавая оружие за наличные средства любому, кто явится, приобретет и транспортирует их к себе. Для того чтобы сохранить свои ограниченные запасы долларов, на первых порах покупали довольно осторожно. Они заказывали в основном оборудование и самолеты, планируя развернуть собственное производство, и рассматривали Соединенные Штаты лишь как запасной источник поставок на случай непредвиденных обстоятельств. В течение всего 1939 г. и начала 1940 г. объем поставок оставался небольшим, однако он послужил стимулом для развития американской военной промышленности¹.

Когда в мае—июне 1940 г. «странная война» пришла к своему стремительному страшному финалу, настроенные на оборону американские военные стратеги подготовили план противодействия любым попыткам стран оси распространить свое влияние в сторону Бразилии и остальной Латинской Америки – план под названием «Золотой горшок». Ими был также разработан план обороны всего (Западного) полушария под названием «Радуга-4», основанный на той предпосылке, что Соединенные Штаты и Канада способны в одиночку противостоять агрессии объединенных сил Германии,

Италии и Японии. 10 июня 1940 г., за шесть недель до того, как принять план «Радуга-4», президент Франклин Рузвельт осудил Италию за агрессию против Франции. Кроме того, президент заверил, что «в едином порыве» Соединенные Штаты намерены «предоставить силам сопротивления материальные ресурсы нашего народа», к чему будут «неустанно стремиться». Наконец, он обещал направить американские ресурсы «туда, где в этом нуждаются для обороны»².

После того как Франция была молниеносно покорена, Англия осталась единственной «силой сопротивления» на поле боя. Американские военные стратеги, в том числе генерал Джордж Маршалл, считали положение Великобритании безнадежным. Они считали, что Англии придется либо заключить мир, либо стать следующей жертвой вермахта. Казалось также вероятным, что Япония вторгнется в Индокитай, а может быть, сначала атакует Гавайские острова или Панамский канал. Возможно, японцы пойдут на союз с Советами. Для армейских специалистов план «Радуга-4» и предусмотренное им строительство обороны страны казалось жизненно важным и весьма срочным. Эти офицеры убеждали Рузвельта направить помощь, предназначенную для Англии, на перевооружение армии Соединенных Штатов³.

В этот момент, а именно 28 мая, Рузвельт реанимировал Консультативный комитет при Совете национальной безопасности, который не работал с 1918 г. На этот орган был возложен титанический труд по мобилизации экономи-

ки страны. Конгресс утвердил финансирование увеличения размера армии и обеспечения береговой охраны, ПВО и других программ. Таким образом, к октябрю общая цифра расходов на оборону достигла 17 млрд 500 млн долларов. К концу лета власти США перевели под контроль федерального государства резерв и Национальную гвардию, а также объявили о первом в истории страны призыве в армию в мирное время. Рузвельт утвердил план, согласно которому численность армии к июлю 1941 г. должна была достичь 1 млн 400 тыс. человек. Кроме того, 30 июня 1940 г. была принята большая программа по производству боевой техники и вооружений, предназначенных для оснащения будущей армии. Согласно мобилизационному плану, до конца 1941 г. предусматривалось создать запасы техники, вооружений и материальных средств, достаточных для оснащения армии численностью 2 млн человек. Те, кто осуществлял стратегическое планирование, надеялись, что авиационная промышленность будет выпускать по 18 тыс. самолетов в год, благодаря чему уже к весне 1942 г. в 54 боевых группах ВВС будет насчитываться 12 тыс. самолетов. После достижения этих первоочередных целей, как предполагалось, будут созданы достаточно мощные производственные мощности для поддержания будущей армии численностью 4 млн человек. Помимо укрепления сухопутных войск и ВВС, по предложению конгресса от 19 июля 1940 г. было запланировано скоординировать военно-морские силы двух океанов, приблизи-

тельно вдвое превышающие по количеству кораблей и численности личного состава существующие⁴.

Вся эта активная деятельность по мобилизации в 1940 г. существовала главным образом на бумаге. К тому же речь не шла о полном напряжении сил, на чем настаивали военные. Перед лицом политической реальности президент отступил, невзирая на личные пристрастия. Он не пошел навстречу требованиям армии о переводе работы военных предприятий на ускоренные рельсы (военные требовали увеличения рабочего дня и перехода на трехсменную работу). Он не решился начинать полную мобилизацию. Он жестко настаивал на необходимости продолжения оказания всей возможной помощи Британии. В то время, когда Маршалл рекомендовал прямо противоположное, Рузвельт настоял на том, чтобы заказы англичан на вооружение выполнялись, даже если они вступают в конфликт с программой перевооружения собственных вооруженных сил США. В долгосрочной перспективе взвешенный риск президента оказался оправданным. В июле британцы нейтрализовали большую часть военно-морского флота Франции (и после этого растаяли все надежды Германии на скорое увеличение своих военно-морских сил). А к середине сентября Королевские ВВС вырвали у люфтваффе господство над небом Британии (после чего угроза немедленного вторжения Германии свелась к минимуму). Американские военные специалисты поспешили стали пересматривать свои прежние оценки обстановки. К кон-

цу сентября они пришли к осторожному заключению, что Англия может продержаться как минимум полгода. Армейские эксперты сделали вывод, что помощь Британии можно рассматривать как «долгосрочное вложение в безопасность Америки»⁵.

Когда Англия и Франция начали закупку военной техники и вооружения в Америке, военный и морской департаменты стали разрабатывать планы координации таких заказов. Однако президент решил лично контролировать программу ограниченной помощи, и в качестве контролирующего органа был создан Комитет по связи при президенте. В свою очередь, министерство финансов оказывало влияние на работу комитета, как и предполагал Рузвельт. То есть было заранее запланировано, что министр финансов Генри Моргентау-младший, близкий друг Артура Первиса, канадского гражданина, возглавившего англо-французский Комитет по закупкам, станет играть ключевую роль в поставках за рубеж. Если это и делалось в обход военного министерства и военного министра Генри Вудринга, то причиной была официально провозглашенная политика изоляционизма⁶.

Президентский Комитет по связи функционировал в обычном режиме, как любой другой бюрократический орган, до тех пор пока весной 1940 г. по Европе не прокатилась волна блицкрига. Внезапно обстановка изменилась, и мольбы французов и англичан о помощи стали особенно активными. После падения Франции британский Комитет по

закупкам остался вместо англо-французского комитета; он взял на себя все французские контракты. Резко возросшие темпы закупок потребовали дополнительного контролирующего органа. 28 июня 1940 г. конгресс наделил президента полномочиями ставить приоритет армейских и военно-морских закупок выше всех прочих. 21 октября 1940 г. Рузвельт делегировал свои полномочия вновь созданному органу в рамках Консультативного комитета при Совете национальной безопасности. Так в 1940 г. вопрос об оказании помощи Великобритании классифицировали по двум признакам: то, что сможет быть поставлено немедленно с американских военных складов, и то, что требует долговременного планирования⁷.

В марте 1940 г. представители армии составили то, что они считали максимально расширенным списком устаревшего военного имущества, которое можно было безболезненно направить в страны Латинской Америки и нейтральные государства без ущерба для программы перевооружения. 12 марта военный и военно-морской министры пришли к соглашению, что излишки такого имущества можно продавать напрямую правительствам нейтральных стран, но не потенциальным посредникам, которые могли бы перепродавать его воюющим сторонам, после чего администрацию США обвинили бы в нарушении законов о нейтралитете. В мае Рузвельт отказался от такой политики, несмотря на возражения Вудринга. 11 июня 1940 г. он добился подтвержде-

ния закона от 1917 г., который давал правительству продавать излишки продукции американской корпорации по экспорту стали, которая в тот же день и по той же цене перепродавала их Великобритании. В списки было включено в пять раз больше винтовок Энфилда, чем было указано в армейском списке за март, в три раза больше 75-мм артиллерийских орудий плюс минометы, револьверы, автоматические винтовки Браунинга, а также все виды боеприпасов к ним. Целью было вооружить войска на территории Англии, а также те, что удалось переправить туда из Дюнкерка. Отдельно фигурировала сделка по возврату производителю 93 легких бомбардировщиков, которые должны были стать частью контракта с англичанами. Сюда же прибавились еще 50 пикирующих бомбардировщиков, ранее предназначенных для ВМС. Американские военные были против дальнейших поставок, однако Рузвельт принял решение оставить двери открытыми. 28 июня конгресс единственный раз осуществил проверку деятельности главы государства в этой области, потребовав от комитета начальников штабов подтверждения, что речь шла действительно об излишках военного имущества. Но даже после этого поставка военных материалов в Великобританию была продолжена. К февралю 1941 г. общее количество отправленных в Англию винтовок превысило 1 млн штук. В американских войсках стала ощущаться нехватка стрелкового оружия для подготовки новобранцев, однако ее не стали принимать всерьез⁸.

Таким образом, запасы армейских складов, несомненно, усилили позиции англичан и их способность противостоять агрессору. Кроме того, в рамках такого сотрудничества 3 сентября 1940 г. Англии было продано 50 устаревших, но боееспособных эсминцев для охраны баз и морских коммуникаций на Атлантике, от чего зависело выживание Англии. И пусть эти акты несколько нарушали нейтралитет США, общественное мнение приветствовало их, считая риск приемлемым и необходимым для того, чтобы предотвратить падение Великобритании. В то же время в обществе, возможно, не понимали, что поставки излишков имущества со складов можно рассчитывать лишь в качестве временной меры, что Англия вряд ли сможет победить или даже продолжать сражаться достаточно долгое время без постоянной поддержки США. Таким образом, Соединенные Штаты, не разрывая нейтралитета, максимально расширили его рамки.

Летом и осенью 1940 г. президентская кампания шла одновременно с войной в Европе и мобилизацией в стране. В газетах усиленно советовали, какие заголовки лучше разместить на первой полосе. В июне Рузвельт назначил в свой кабинет двух видных республиканцев, к неудовольствию членов этой партии: Фрэнк Нокс стал военно-морским министром, а Генри Стимсон – военным министром. Кроме того, то крыло республиканцев, что выступало за политику изоляционизма, лишилось поддержки большинства однопартийцев, благодаря чему лидером партии стал Уэнделл Уилки,

который стоял на позициях интернационализма. В июле демократы выдвинули Рузвельта на третий срок. Несмотря на то что позиции кандидатов по внутренней политике резко отличались друг от друга, их заявления по поводу международной политики звучали довольно похоже. Оба кандидата обещали поддержку тем, кто борется с агрессором, и ругались, что страна не будет воевать. Уилки утвердил сделку с эсминцами для военно-морских баз, хотя большинство из его товарищей по партии не одобряли ее. Уилки получил значительное количество голосов, однако подавляющая часть народа отдала голоса за Рузвельта, что обеспечило ему победу в выборах. Теперь, когда его администрация осталась на месте еще на четыре года, Рузвельт продолжил оказывать помощь Англии.

2 августа 1940 г. министр внутренних дел Гарольд Иккес писал Рузвельту: «Мне кажется, что мы, американцы, похожи на домовладельца, который не желает сдать в аренду или продать огнетушители для того, чтобы спасти охваченный огнем дом по соседству, несмотря на то что тот уже всюду пылает». На совещании в Консультативном комитете по обороне в конце лета 1940 г. Рузвельт предложил сдавать англичанам корабли в лизинг на время войны вместо того, чтобы просто их продавать. На совещании администрации президента 8 ноября, по окончании выборов, Рузвельт снова озвучил эту мысль, на этот раз более подробно. Он проинформировал членов кабинета, что на британских счетах суммы

в долларах опасно снизились, хотя англичане все еще обладают ликвидностью на сумму примерно 2 млрд 500 млн долларов за счет кредитов и имущества. Придет время, заметил Рузвельт, когда англичанам понадобятся кредиты или займы, или и то и другое, чтобы военные поставки им продолжались. «Он считает, что мы могли бы отдавать в лизинг корабли или другую технику, которую можно обеспечить займами, которая подлежит возврату и может быть застрахована, – отмечал Иккес. И продолжал: – Мне показалось, что это было очень хорошее предложение»⁹.

До конца 1940 г. финансовое положение Англии стремительно ухудшалось. Необходимо было что-то предпринять, иначе программу помощи этой стране пришлось бы свернуть. 8 декабря Черчилль, который тоже был слишком хорошо знаком с той дилеммой, направил на имя президента длинный меморандум. Красноречивый британский военный вождь писал Рузвельту, что не верит, что народ Соединенных Штатов хотел бы видеть Англию «обобранной до нитки». Подробно описывая то, что необходимо англичанам, Черчилль просил Рузвельта рассматривать его письмо не в качестве призыва, а как «заявление о минимально необходимых мерах, которые должны быть приняты для достижения общей цели»¹⁰.

Рузвельт получил послание Черчилля на борту военного корабля (тяжелого крейсера) «Тускалуза», когда отдыхал и занимался рыбной ловлей в водах Карибского моря. Худой

и болезненный Гарри Гопкинс, который был единственным гостем на корабле из близкого окружения президента, описывал тот ошеломляющий эффект, который письмо произвело на Рузвельта. Примерно с 12 по 16 декабря Рузвельт додумывал свою идею ленд-лиза, несмотря на замечание Гопкинса, что он не знает, как воплотить ее в жизнь на законных основаниях. Пока «Тускалуза» продолжала свой неспешный путь, Эдуард Стеттиниус-младший, Уильям Кнудсен, Дональд Нельсон, Нокс и госсекретарь Корделл Халл спешили в вашингтонский дом Стимсона.

Военный министр собрал это совещание, чтобы спросить у этих людей их мнение относительно того, как заставить каждого американца думать о значительном увеличении производства. Стеттиниусу, Кнудсену и Нельсону отводилась особенно важная роль: они должны были объяснить деловому миру, в чем именно нуждаются Америка и Англия. Вместе с Авереллом Гарриманом, Уильямом Бэттом, Джоном Биггерсом и другими представителями деловых кругов они сразу же приступили к планированию встреч с членами Торговой палаты США и других организаций. Так независимо от президента началась хорошо спланированная кампания претворения в жизнь его решения по расширению помощи Англии¹¹.

После окончания отпуска 17 декабря посвежевший и отдохнувший, вернувший прежнюю решительность Рузвельт устроил в Белом доме ланч с Моргентау и несколькими го-

стями из Англии. Он заявил собравшимся относительно помощи Англии, что «она будет осуществляться таким образом, чтобы избавиться от тени доллара над ней». Он не хотел бы, чтобы помощь измерялась «долларами или займами». «Мы намерены увеличить производство, – сказал затем Рузвельт, взмахнув своим длинным мундштуком для сигарет. А затем, обращаясь к англичанам, продолжил: – Мы дадим вам пушки и корабли, в которых вы нуждаетесь, но при условии, что, когда война закончится, вы добровольно вернете нам эти пушки и корабли, взятые у нас займы»¹².

Вскоре Рузвельт объявил на пресс-конференции в Белом доме, что лучшей обороной для Америки будет то, что Англия сумеет успешно обеспечить собственную оборону. «Тогда, – спросил президент репортеров, – почему мы не должны делать все для того, чтобы помочь ей? Почему Соединенные Штаты должны ограничивать себя традиционными рамками финансирования, такими как займы? Почему мы не можем делать поставки на условиях лизинга? Итак, – медленно протянул Рузвельт, – я пытаюсь организовать дело таким образом, чтобы отказаться от символа доллара. Это нечто качественно новое для каждого из присутствующих в этом зале, как я полагаю, – избавиться от смешного, глупого, старого символа доллара». Затем, приведя аналогию с домом, когда, «предположим, дом моего соседа охватил пожар, а у меня есть достаточно длинный садовый шланг», президент перешел к программе ленд-лиза. Немногие из аме-

риканцев посчитали, что будет много опасности в том, что они протянут свой садовый шланг англичанам, которые пытались выстоять в одиночку. Возможно, очень немногие верили в то, что получают этот шланг обратно, но всем понравилось это простое решение. Как считает Роберт Шервуд, Рузвельт уже тогда выиграл битву за ленд-лиз¹³.

Пока Стеттиниус и другие доводили до сведения американских бизнесменов необходимость подстегнуть производство, а общество переваривало идею «садового шланга», Рузвельт готовился к тому, чтобы лично представить свою идею народу. 29 декабря, когда американцы собрались у радиоприемников, чтобы вновь выслушать еще раз байки президента о пожарах, лондонцы приходили в себя после одной из самых тяжелых бомбежек за всю войну. Было похоже, что Гитлер решил воспроизвести слова Рузвельта буквально. Выражение «арсенал демократии» уже использовалось раньше в редакционной статье, но президент сделал его знаменитым именно в тот вечер. Соединенным Штатам предстояло стать великим арсеналом демократии. Рузвельт признавал, что это было рискованно, но альтернативой этому было лишь покорно уступить победу странам оси и позже самим подвергнуться нападению. Из этого арсенала должна была идти за рубежи страны военная помощь, и объемы этой помощи – постоянно наращиваться. Труд и капитал должны были работать рука об руку, чтобы резко подстегнуть производство. 6 января 1941 г. президент использовал традиционный До-

клад о положении США, чтобы обозначить эту проблему перед конгрессом. Так, сначала представителям прессы, потом народу и, наконец, конгрессу Рузвельт рассказал о той роли, которую должны сыграть Соединенные Штаты. Американцы теперь прекрасно знали о том, что у англичан подошли к концу запасы долларов, об угрозе, которую эта война несет для безопасности США, о необходимости воплотить английские потребности в заказы на территории своей страны, отказавшись от символа доллара¹⁴.

К январю 1941 г. общественное мнение в Соединенных Штатах выступало за помощь Великобритании даже при условии угрозы войны, хотя оно же резко выступало против вступления страны в войну. 30 декабря 1940 г. сенатор Бертон К. Уиллер, известный своими изоляционистскими взглядами, выступил в эфире, пытаясь противодействовать тому восторгу, с которым было встречено задушевное обращение Рузвельта. Ответ Уиллера был резким и содержал только негатив, не предлагая никакой конкретной программы. В адрес Белого дома пришло обращение Гринвилла из Техаса, который посоветовал «упрятать Уиллера за решетку как агитатора наци». Вместе с другими представителями крыла изоляционистов Уиллер далеко оторвался от чаяний широких народных масс. Уиллера и его друзей беспокоило не только то, что программа помощи была рискованной, но также и то, что президент думал о совместных действиях с другими противниками стран оси. Идея «арсенала демократии», ра-

зумеется, означала больше, чем помощь только Великобритании. В прошлые годы Рузвельт уже обещал помощь «противникам этой силы». Соединенные Штаты стали на путь того, чтобы превратиться в «не совсем нейтрального» партнера союзников¹⁵.

Даже перед Докладом о положении США Рузвельт поручил сотрудникам министерства финансов написать билль о ленд-лизе, в основном из-за того, что эти люди хорошо знали о финансовом положении Великобритании. 2 января после совещания с Моргантау и представителями британского Комитета по закупкам главный советник Моргантау Эдвард Фоли и его помощник Оскар Какс начали работу над биллем. Министр финансов поручил своим помощникам составить билль таким образом, чтобы президент имел право своей властью назначать ассигнования на военную продукцию. Как пояснил Моргантау, Рузвельт хотел иметь возможность управлять производством, не обращаясь каждый раз за разрешением в конгресс, а также право определять размер компенсации за предоставленную помощь. Как замыслилось, билль о ленд-лизе должен был стать как можно более широким¹⁶.

Работая изо всех сил, Фоли и Кокс к полуночи 2 января закончили первый проект билля. 3 января они провели встречу с представителями военного министерства и Государственного департамента, спикером палаты Сэмом Райберном, судьей Феликсом Франкфуртером и другими. Франк-

фуртер посоветовал авторам не очерчивать в билле полномочия президента и не перечислять страны, которым будет оказана помощь. На еще одной встрече 7 января Государственный секретарь Халл присоединился к мнению Франкфуртера не уточнять в билле выбранные для оказания помощи страны: «возможно, он держал в уме будущие проблемы Советского Союза». Окончательная ясность в Белом доме наступила после совещания членов кабинета 9 января. Это была встреча, на которой определялась стратегия, так как кроме членов кабинета там присутствовали несколько сенаторов и членов палаты представителей. Было принято необычное решение поручить лидерам палаты представителей и сената на следующий день представить билль членам конгресса. Билль попал в урну для обсуждения конгрессом и по воле судьбы получил эффектный номер H.R. 1776¹⁷.

Близкий к администрации Шервуд считал, что Рузвельт идет на большой политический риск, запрашивая конгресс утвердить такой революционный закон. Вместе с представителями администрации он переоценил влияние изоляционистов. Сенатор Уиллер проиллюстрировал недовольство изоляционистов грубым, едким замечанием о том, что ленд-лиз представляет собой отражение внешней политики Рузвельта «трех А»: «она пройдет по каждому четвертому американскому парню». Это задело президента, который осудил данное заявление как «самое гнилое замечание, сделанное публично в мой адрес и в адрес моего окружения». Привычный

спутанный клубок слушаний и дебатов в конгрессе продолжался два месяца, но мало кто сомневался в том, что билль будет принят палатой представителей. Ожесточенные споры велись в основном вокруг предоставленных президенту широчайших полномочий, а также отсутствия ограничений в выборе объектов предоставления помощи. Бывший кандидат на президентский пост Уилки лишь призвал, чтобы конгресс определил, какие именно страны будут получать помощь. И хотя такая возможность в то время казалась весьма отдаленной, участники дебатов как в конгрессе, так за его пределами высказывали желание исключить из списков Советский Союз, впрочем безуспешно. В конце концов акт был принят палатой представителей при соотношении голосов 260 к 165 и сенатом – 60 к 31 почти в том виде, как запрашивал президент. В 16.10 11 марта 1941 г. Рузвельт поставил под документом свою подпись¹⁸.

Согласно общественному закону № 11, Акту о ленд-лизе, в интересах национальной безопасности президент мог уполномочивать своих агентов производить или изыскивать любой предмет для любого государства, обороноспособность которого является жизненно важной для интересов обороны Соединенных Штатов. Продукция, относящаяся к важной для обороноспособности, трактовалась очень широко: туда могли быть отнесены продовольствие или любые другие предметы, не имеющие военного назначения. Президент имел право отправлять такую продукцию в любую стра-

ну, куда сочтет нужным; при этом он сам определял условия поставки. Согласно акту, срок которого истекал через два года, президент должен был ежеквартально отчитываться перед конгрессом по всем сделкам по ленд-лизу. Данное право не следовало толковать как разрешение на организацию конвоев с отправляемыми грузами. Конгресс сохранял за собой право принятием соответствующей резолюции отозвать передаваемые президенту полномочия. Поставки продукции военного назначения, согласно предыдущим актам по поставкам, не могли осуществляться по ленд-лизу в случае, если их стоимость превышала 1 млрд 300 млн долларов. Такие сделки требовали согласования с начальником штаба сухопутных войск, либо с начальником штаба ВМС, либо с ними обоими. Эта статья о «миллиарде трехстах миллионах» явилась основой для организации всех поставок помощи в первые несколько месяцев, несмотря даже на то, что 27 марта 1941 г. конгресс одобрил для этих целей сумму 7 млрд долларов. Принятие акта не могло обеспечивать немедленной отправки помощи: требовалось время на то, чтобы превратить добрые намерения в заводы, корабли, самолеты, танки и орудия¹⁹.

После принятия акта республиканское меньшинство сомкнуло ряды в его поддержку. Конгрессмен Джозеф Мартин и сенатор Артур Ванденберг, выступавшие против акта, от имени всего партийного меньшинства выразили свою поддержку документу. «Теперь это наша жесткая политическая

линия, хотим мы того или нет, – писал Ванденберг 19 марта, – и у нас нет альтернативы, кроме как принять ее, разве что... документ HR 1776 будет использован президентом в такой манере, что не имеет ничего общего с войной». Сын Ванденберга вспоминал, что весной 1941 г. его отец чувствовал, что «только чудо» поможет сохранить в Америке мир. Поэтому «перед лицом мирового кризиса было необходимо единство дома». Только самые упертые, такие как сенатор Уиллер с Джеральдом Наем и их сторонники, продолжали борьбу. 14 марта на ежегодном обеде для корреспондентов в Белом доме Рузвельт провозгласил: «Да, при нашей демократии решения принимаются, может быть, медленно. Но если решение все же принято, то за ним стоят голоса ста тридцати миллионов. И тогда миру не следует больше сомневаться в нем». Телеграммы и письма в адрес Белого дома подтвердили правоту Рузвельта. Для Черчилля, под взрывающимися в Лондоне бомбами, принятие Акта о ленд-лизе было событием, давшим ему долгожданное облегчение. Позже он написал: «Это было одновременно чувство покоя и стимул к действию. Нужно снаряжение вот-вот должно было прийти»²⁰.

Через три часа после подписания Акта о ленд-лизе Рузвельт издал две директивы, целью которых было запустить программу. В первой не было ничего удивительного. В ней оборона Великобритании объявлялась жизненно важной для США; во второй то же самое провозглашалось в отношении

Греции. Как будто в ответ на этот шаг американского руководства, Гитлер начал свое весеннее наступление. 2 марта к странам оси присоединилась Болгария. 6 апреля безжалостные нацисты вторглись в Югославию, и одновременно их танки прокатились вдоль раскаленных песков Ливии, чтобы к 15 апреля выйти к границе Египта. 27 апреля древние Афины содрогались под грохотом сапог еще не знавшего поражений нового завоевателя. Гитлер расширил зону военных действий до Северной Атлантики, включая Исландию, и на всю акваторию океана западнее, вплоть до побережья Гренландии. Немецкие линейные корабли «Шарнхорст» и «Гнейзенау» сумели проскочить сквозь заслоны британского флота метрополии и менее чем за два месяца потопили союзных судов общим тоннажом 115 тыс. тонн. Кроме того, суда, следовавшие в Северной Атлантике, подвергались нападениям «волчьих стай» субмарин немцев. В апреле, мае и июне они отправили на дно рекордное по общему тоннажу количество судов. Общее количество судов, потерянных в период с января до конца мая, достигло 569, принадлежавших англичанам и союзникам, плюс 25 нейтральных, итого 594. С 1 по 10 апреля Рузвельт ежедневно встречался со своими военными и гражданскими советниками. Рузвельт хорошо представлял себе, что ленд-лиз имел смысл только в том случае, если поставки дойдут до Англии; таким образом, Соединенные Штаты должны были сделать все возможное, чтобы обеспечить доставку грузов. Стимсон предложил,

чтобы Соединенные Штаты сами обеспечивали сопровождение грузов по ленд-лизу до берегов Англии, однако президент не желал заходить так далеко. В ходе этих встреч было принято решение, о котором объявили 7 апреля. Оно касалось укрепления баз на острове Ньюфаундленд, Бермудских островах и острове Тринидад. 10 апреля было решено взять под свою защиту Гренландию, а также удалить из списка зон боевых действий, где запрещено американское судоходство, Красное море. В тот же день 10 апреля Рузвельт объявил о расширении зоны нейтралитета на восток, до 25 градусов западной долготы. «Я хотел сообщить вам, – телеграфировал Рузвельт Черчиллю 11 апреля, – что правительство Соединенных Штатов предлагает расширить зону безопасности и патрулирования». Общей идеей, как вспоминал Стимсон, было «патрулировать воды и сопровождать конвои судов», а также «оповещать английские боевые корабли» о перемещениях противника. Ресурсы страны и общественное мнение, как чувствовал президент, пока не позволяли ему пойти дальше этого²¹.

Хотя пока не было принято решение об организации реального сопровождения судов, всем стало ясно, что американцы намеревались выполнять поставки по ленд-лизу, даже если это поставит страну на грань войны. Но если Рузвельт двигался относительно скоро в обеспечении поставок помощи, то был более медленным в обеспечении эффективного управления ими. 27 марта президент назначил

Гопкинса своим советником по ленд-лизу, однако не присваивал ему официальную должность в своей администрации. Как писал его друг Шервуд, «в одной огромной области Гопкинс имел такие полномочия, что фактически замещал президента». И действительно, очень мало людей даже из самого близкого окружения Рузвельта были лучше его знакомы с этой проблемой. Чуть раньше, в январе, Гопкинс сумел подавить свой страх перед полетами и отправился на встречу с премьер-министром (Великобритании), чтобы из первых рук получить информацию о положении в стране. Гопкинс часто обедал с Черчиллем и несколько раз проводил выходные в родовом владении премьер-министра в Чекерсе (закутавшись в пальто от холода). Он получил массу информации о военном положении Англии и вернулся в США сразу же после того, как был принят Акт о ленд-лизе. Принимая во внимание новые знания, помимо того опыта управленческой работы, что Гопкинс приобрел еще в 30-х гг., его близости к правительственным кругам и безусловной личной преданности президенту, не является удивительным, что Рузвельт выбрал именно Гопкинса для руководства деятельностью по программе ленд-лиза²².

Для того чтобы вести учет информации, а также располагать центральным органом для ее обработки и поддерживать связь с организациями, работающими по ленд-лизу, 2 мая 1941 г. по распоряжению Рузвельта при управлении по чрезвычайной ситуации был создан отчетный отдел информации

по военной помощи. Несмотря на то что этот отдел был благоразумно спрятан внутри другой организации и назван «отчетным» отделом, этот орган подхватил функции президентского отдела связи и осуществлял управление всей программой ленд-лиза. Поскольку новые организации по закупкам не были созданы, ленд-лиз осуществлялся через целый ряд организаций. Военное министерство и министерство ВМС приобретали военное имущество, управление флота занималось строительством и ремонтом кораблей; министерство сельского хозяйства обеспечивало поставки продовольствия и другой сельскохозяйственной продукции; министерство финансов закупало сырье и промышленное оборудование. Как довольно лаконично заметил Стеттиниус, «программа ленд-лиза пересекала все области ведения войны. Она была самым тесным образом связана с нашей внешней политикой, военным производством, военной политикой, деятельностью военного флота, а также политикой в области продовольствия»²³.

Правительства государств, выбранных для поставок по ленд-лизу, присылали в США своих представителей, чтобы те обменялись информацией с сотрудниками соответствующих военных и технических ведомств в Соединенных Штатах или других организаций, которые наиболее оптимально подходили бы для работы в рамках именно этих программ. Со своей стороны военное министерство создало при заместителе министра отдел по военным поставкам, а также ко-

митеты по оценке требуемых военных поставок, для работы в которых привлекались военные представители иностранных государств. Этот отдел получал заявки из-за рубежа и передавал их в отчетный отдел по военным поставкам, возглавляемый Гопкинсом. Оттуда документы, в свою очередь, передавались в соответствующие агентства и организации, занимавшиеся поставками, для изучения. Имущество, передаваемое со складов или по контрактам, заключенным до 11 марта, должно было быть утверждено президентом. Закупочные организации имели право заниматься поставками по новым контрактам, однако окончательное решение все равно оставалось за Рузвельтом²⁴.

6 мая 1941 г. Рузвельт назначил генерал-майора Джеймса Бернса на должность руководителя Управления по военным поставкам. Бернс, «...грамотный и дальновидный офицер», служил в Комитете связи при президенте, который занимался вопросами распределения военной помощи до 2 мая. Бернс привел с собой в управление двух бригадных генералов, Сидни П. Спалдинга (начальник отдела производства) и Джорджа Р. (отвечал за хранение и поставки). Сам Бернс входил в число сотрудников заместителя военного министра Роберта Паттерсона и тем самым имел прямое отношение к программе поставок военного министерства. Так и не получивший официальной должности помощник президента Гопкинс руководил программой ленд-лиза с помощью советника Оскара Кокса и заместителя по общим вопросам

Филипа Янга, которых он пригласил из министерства финансов. Его рабочий орган, разместившийся в здании Федерального резервного банка, оставался небольшим по сравнению с прочими организациями Вашингтона. Обычно беспечный и неаккуратный, Гопкинс теперь приучил себя и своих сотрудников строго соблюдать требования по безопасности²⁵.

Задачей людей Гопкинса было превратить ранее выделенные 1 млрд 300 млн долларов, а также еще 7 млрд долларов фонда ленд-лиза в военную помощь другим странам, прежде всего Англии. Иностранцы пытались вести дела непосредственно с Гопкинсом, что беспокоило сотрудников Госдепартамента во главе с Халлом. Еще большие трения возникли после того, как Гарриман был назначен наблюдателем за поставками по ленд-лизу в Лондоне в ранге посланника. Посол Джон Винант был старше по должности, чем Гарриман, однако на Даунинг-стрит больше прислушивались к Гарриману. Это означало, что через Гарримана и Гопкинса у Черчилля была надежная прямая связь с Рузвельтом; таким образом, президент выключил из игры сотрудников Халла²⁶. Вскоре всем стало ясно, что президент решил сосредоточить контроль за поставками по ленд-лизу в своих руках, как прежде он контролировал военную помощь Англии через свой Комитет связи. Не только в Госдепартаменте, но скоро и в военном министерстве пришли к пониманию, что важнейшие решения в рамках программы ленд-лиза будут приниматься только через Гопкинса и самого Ру-

звельта.

Несмотря на то что сначала в рамках ленд-лиза не возникало слишком больших трудностей, вскоре обязанности Гопкинса выросли как никогда прежде, что все более тяжело сказывалось на его слабом здоровье. Он проходил строгий курс лечения, включая курсы переливания крови и уколы, и только это поддерживало в нем жизнь. Часто ему приходилось руководить поставками прямо из постели в Белом доме. Глазами и ушами Гопкинса часто выступал советник президента по экономике Исидор Любин, и такая практика продолжалась на протяжении всех военных лет. Самой большой сложностью для Гопкинса и для всей программы ленд-лиза было повышать производительность в промышленности в соответствии с условиями военного времени и одновременно поддерживать иллюзию, будто Соединенные Штаты все еще живут мирной жизнью. Представители бизнеса не спешили перестраиваться на военный лад и наращивать производство, как того требовали условия военного времени. Некоторые сторонники политики изоляционизма в промышленности, такие как Генри Форд, отказывались размещать у себя военные заказы для Англии. Другие предсказывали, что в связи с победами Германии война вскоре подойдет к концу. И во всех сферах бизнеса, торговли и производства наступил бум. В 1941 г. в гражданском секторе автомобильной промышленности были достигнуты рекордные за все время ее существования показатели. Правительству не

удавалось склонить представителей промышленности перевести производство на военные рельсы или, если это удавалось, убедить их гарантированно работать по военным заказам в рамках долгосрочных контрактов. Американские бизнесмены оказались перед лицом нереальной проблемы, когда нужно было предоставлять продукцию для миллионов неизвестных людей, представлявших неизвестные государства, когда война почти не касалась самих американцев. И без того серьезные сложности в производстве усугублялись остановками работы и забастовками, отчасти вызванными происками коммунистов, саботировавших «империалистическую войну»²⁷.

Гопкинс по стоявшему рядом с его кроватью телефонному аппарату отчаянно пытался прорываться через трудности и узкие места. Начальник флотского комитета адмирал Эмори Лэнд называл его «генералиссимусом бригады штопальщиков» за умение решать проблемы. Его сотрудники Кокс, Янг, Любин, Леон Хендерсон (директор Управления по ценам и гражданским поставкам), Сидни Хиллман, Роберт Натан и Стейси Мей (из Комитета по управлению производством) всегда дружно помогали Гопкинсу преодолевать возникающие трудности. Все они считали, что промышленность Соединенных Штатов способна достичь невозможного: такого высокого уровня военного производства, которое делает страну «арсеналом демократии». В то же время сам Гопкинс постоянно влиял на Рузвельта, заставляя того сме-

лее и более ускоренными темпами отправлять помощь в Англию²⁸.

К линкорам «Шарнхорст» и «Гнейзенау», тяжелому крейсеру «Хиппер», находившемуся в готовности в Бресте, а также активно действовавшему подводному флоту Гитлер в середине мая присовокупил дополнительную серьезную угрозу для судов, совершавших переход через Атлантику. Пресловутый линкор «Бисмарк» и тяжелый крейсер «Принц Ойген» под прикрытием дождя и облаков совершили прорыв из норвежского фьорда Берген через Датский пролив между Исландией и Гренландией в Северную Атлантику. Британский королевский флот принял бой, в котором англичане потеряли линейный крейсер «Худ»⁷. Как оказалось, до тех пор, пока бурлящая Атлантика не будет очищена от германского флота над водой и под водой, помощь Британии превращалась в опасную азартную игру. Под теплым средиземноморским небом на острове Крит немецкие десантники одержали победу, нанеся англичанам еще одно серьезное поражение⁸. Обеспокоенные растущими потерями англичан,

⁷ 24 мая 1941 г. после одного или нескольких попаданий 381-мм снарядов «Бисмарк» «Худ» раскололся пополам от взрыва артиллерийского погреба. Удалось спастись только троим из команды численностью более 1400 человек.

⁸ В Критской операции 20 мая – 1 июня 1941 г. англичане потеряли 12 тыс. пленными и около 2 тыс. убитыми, было потоплено 3 английских крейсера и 6 миноносцев, повреждены 1 авианосец, 3 линкора, 6 крейсеров, 7 миноносцев. Греция потеряла здесь 15 тыс. убитыми и пленными, 1 броненосец и 12 эсминцев, 10 торпедных катеров. Немцы потеряли около 4 тыс. убитыми и пропавшими.

фактом потопления американского парохода «Робин Мур», а также нападений немецких подводных лодок на американские эсминцы, члены кабинета Рузвельта вместе с Гопкинсом обратились к Рузвельту с призывом обеспечить более эффективную защиту на пути в Великобританию через Атлантику. Америка расчистила себе пути в области права для поставок материальной помощи, однако реально на географических маршрутах этих поставок стоял решительный противник²⁹.

Президент колебался, не решаясь предпринимать дальнейшие шаги. Он отложил на тринадцать дней соответствующее радиообращение, запланированное на 14 мая, день всей Америки. Возможно, Рузвельт задерживал принятие решения из-за постоянных нападок изоляционистов, которые на протяжении всей весны обвиняли его в намерении развязать войну на Атлантике. 27 мая «Бисмарк» наконец был потоплен⁹, но «Принцу Ойгену» удалось ускользнуть и вернуться в Брест. Там и здесь напротив Белого дома сновали пикеты коммунистов, осуждавших империалистическую войну.

ми без вести, 220 самолетов, в том числе 119 транспортных.

⁹ Потерявший из-за попадания торпеды (с самолета-торпедоносца) ход «Бисмарк» (было повреждено рулевое управление) настигли 2 английских линкора и 2 тяжелых крейсера. Получивший множество попаданий 356-мм и 203-мм снарядов и еще 2 торпед, «Бисмарк» потерял способность вести ответный огонь, исчерпав боезапас. Его команда открыла кингстоны, а англичане выпустили по гибнущему кораблю еще 2 торпеды. Линкор пошел ко дну не спустив флага, его капитан 1-го ранга Линдемман и адмирал Лютьенс остались в боевой рубке, разделив участь корабля, из команды погибло 2200 человек, спасено 110 с лишним.

И вот наконец президент вышел в эфир. В Белом доме обливались потом наряженные в смокинги послы латиноамериканских государств, осторожно устраиваясь на позолоченные сиденья в Восточной комнате. Суетились техники с радиоаппаратурой; кинооператоры и репортеры толпились по краям помещения.

Затем в эфир вышел Рузвельт, который, устроившись за столом, серьезным тоном обратился к 85 млн радиослушателей и собравшейся перед ним аудитории. В течение трех четвертей часа Америка внимательно слушала. «Мы обязательно предоставим, – обещал он, – всю возможную помощь Англии, а также всем тем, кто... противостоит гитлеризму силой оружия. Наши патрули уже помогают обеспечивать необходимые поставки. Будут приняты все необходимые дополнительные меры для доставки грузов до места назначения. Любые или все возможные способы или комбинации способов, которые могут и должны использоваться, должны быть разработаны.» Затем, чтобы подчеркнуть серьезность положения, президент проинформировал слушателей: «Сегодня вечером я издал указ о том, что в стране сложилась неограниченная чрезвычайная ситуация, что потребует от нас до предела укрепить обороноспособность и для чего мы должны приложить все силы и использовать для этого всю власть». Реакция в обществе на эту речь была в общем благожелательной, но, когда на следующий день Рузвельт собрал пресс-конференцию, он, к разочарованию многих, отбросил

мысль о том, что Соединенные Штаты будут обеспечивать сопровождение судов до Великобритании. Он гарантировал безопасность линий коммуникаций в Северной Атлантике, но прошло более месяца, прежде чем он отдал ясные распоряжения принять меры в этом направлении. 11 июля Рузвельт спокойно отдал приказ сопровождать американские и исландские суда³⁰.

2 июня Адольф Гитлер встретился со своим партнером по оси Бенито Муссолини на перевале Бреннер¹⁰. Как писал Шервуд, мир гадал, «какие новые ужасы они замышляют». На берегу пролива Ла-Манш не было никаких признаков подготовки агрессии, однако было отмечено сосредоточение крупных сил немцев в восточной части Польши. В начале июня из Англии в США вернулся Винант, который сообщил, что англичане способны отразить вторжение, если оно состоится, но «в то же время я не вижу, как Британская империя может разгромить Германию без помощи Бога или Дяди Сэма». Посол Соединенных Штатов в Москве Лоуренс Штейнгардт телеграфировал, что почти все жены немецких и итальянских дипломатов отправились домой. В воздухе витало что-то грандиозное, настаивал Штейнгардт, так как один немецкий представитель отправил специальным самолетом домой даже своего неразлучного спутника, любимую собаку³¹.

¹⁰ Невысокий (1374 м) перевал на границе Австрии и Италии, через него проходит шоссе и железная дорога.

Концентрация войск на границе с Россией не была сюрпризом ни для британских и американских дипломатов, ни для Кремля, хотя Россия отказывалась признавать в этом наличие опасности. Пакт о ненападении между Германией и Советским Союзом не прибавил партнерам любви друг к другу, и те, кто остался поклонником России, чувствовали себя окрыленными. Англия и Япония предприняли шаги по сближению с Россией, и летом 1940 г. к этой группе присоединились и США. Но все это почти не находило отклика, так как в Кремле считали, что сейчас, когда капиталистический мир разделен, все козыри находятся на руках у Советов и они могут диктовать свои условия. Британия и Америка обхаживали Россию, так как понимали, что сотрудничество русских с нацистами было шагом, вызванным соображениями временной целесообразности, и этот фактор объяснял отсутствие доверия между партнерами. В то же время между Советским Союзом и Соединенными Штатами отношения были весьма прохладными. Соглашение с нацистами, советско-финская война, захват государств Прибалтики¹¹ и, наконец, отсутствие нормальных отношений с 1917 г., куда накладывалась еще идеология коммунизма и мировой революции. Все это оставляло американцам мало причин испытывать теплые чувства по отношению к Советам. Кроме того, по условиям германо-советского торгового соглашения

¹¹ Уже отмечалось, что включение их в состав СССР произошло по их просьбе и на совершенно законных основаниях.

Россия снабжала Германию жизненно важными материалами, такими как нефть, а это облегчало Гитлеру дальнейшее ведение войны против западных союзников. Многие понимали, что чем скорее таким соглашениям будет положен конец, тем больше выгоды приобретет от этого западный мир³²

Дипломаты начали попытки восстановления дружественных отношений с этой страной для того, чтобы сделать Россию нейтральной или даже союзником Запада. Это казалось, по крайней мере, чрезвычайно сложным, однако реалии военной обстановки в Европе начиная с середины 1940 г. заставляли предпринимать осторожные шаги в этом направлении. Соединенные Штаты сделали своей целью разгром Гитлера путем оказания реальной помощи «противникам агрессии», а также оказывая влияние на общественное мнение внутри страны и в мире. В этой связи заместитель госсекретаря Самнер Уэллес начал серию переговоров с советским послом Константином Уманским. Но не все шло гладко. Камнем преткновения стали станки на сумму 4 млн 300 тыс. долларов, заказанные прежде Амторгом (советской торговой компанией в Соединенных Штатах). США отказывались экспортировать их. Программа перевооружения Америки не могла осуществляться без таких станков, однако Уманский считал, что реальной причиной запрета на экспорт была политическая дискриминация по отношению к России. Переговоры застопорились в конце 1940 г. Тогда Уэллес и Халл предприняли еще одну попытку. Они приняли реше-

ние отменить моральное эмбарго, объявленное Советскому Союзу во время советско-финской войны, в надежде, что это сделает дипломатический климат более здоровым. Рузвельт согласился на этот шаг при условии, что он не будет предан огласке. Но и этот жест не удовлетворил Уманского, которого Халл характеризовал как очень упрямого дипломата, «имеющего привычку неизменно развязать конфликт с любым из нас, с кем бы он ни вступил в контакт». Уманский настаивал на том, чтобы данный шаг был сделан публично; кроме того, он настойчиво требовал, чтобы Соединенные Штаты признали поглощение Советским Союзом прибалтийских государств. Уэллес не мог уступить в вопросе со странами Балтики, но уступил в вопросе о публичном объявлении, первой части требований советской стороны. 9 сентября он попросил Рузвельта разрешить сделать официальное заявление о снятии эмбарго, и президент неохотно согласился³³.

10 января 1941 г. Москва начала переговоры о новом торговом соглашении с Берлином, однако, предположительно, пыталась отвлечь внимание от этого в англо-американских кругах отчетом Уманского об увеличении советской помощи Китаю, что наносило удар по планам Японии об экспансии в Азии. Кроме того, 12 января Кремль объявил свое недовольство в связи с действиями Германии в Болгарии. Вслед за этим 21 января Уэллес уведомил Россию, что документ от декабря 1939 г. об эмбарго на поставки в Россию самолетов и материалов для авиационной промышленности, а также па-

тенте на производство авиационного бензина был отменен. На практике это значило немного, так как контроль за этими запрещенными ранее товарами был возложен на созданный в ноябре 1939 г. Комитет по контролю за вооружением, действовавший на основании Акта по контролю экспорта. Как заявил Халл, отмена эмбарго являлась важным психологическим шагом, однако на Уманского это заявление не произвело видимого впечатления. Уэллес безуспешно попытался добиться отправки в Советский Союз части заказанного оборудования. Для того чтобы добиться выхода из тупиковой ситуации, Кремль настаивал на признании Соединенными Штатами советизации стран Прибалтики. Этому твердо требовал комиссар иностранных дел Вячеслав Молотов, и Уманский заявил Уэллесу, что этот шаг должен быть сделан в качестве положительного фактора для продолжения переговоров³⁴.

В это время от англичан стали поступать жалобы, что экспортируемые в Россию товары перепродаются в Германию; Уманский решительно отвергал эти претензии и, в свою очередь, обвинял США в дискриминации Советского Союза в пользу Англии. Уэллес обращался в различные оборонные ведомства страны с просьбой получить разрешение на отправку заказанных Советским Союзом материалов. Однако эти ведомства также боялись передачи оборудования Германии. Все усилия заместителя госсекретаря с целью обеспечить приоритет для заказов Амторга и добиться их отправ-

ки оказались напрасными. Переговоры Уэллеса с Уманским продолжались все в той же бурной манере, несмотря на то что в США их подвергали открытой критике. Министры Иккес и Моргентау не доверяли Уэллесу; они полагали, что он не прилагает достаточных усилий для того, чтобы заручиться дружбой России. «Мне непонятно, – заявил Иккес, – почему мы не предпринимаем максимум усилий для того, чтобы подружиться с русскими. Именно сейчас, когда это особенно важно... Такими темпами, если падет Англия, у Соединенных Штатов в мире совсем не останется друзей». Другие американцы считали, что администрация Рузвельта зашла слишком далеко. Комитет по делам вне Америки заклеил Москву как врага свободы, такого же безжалостного, как и Германия. Кроме того, эта организация обвинила советскую сторону в том, что Советы якобы защищают финансовые интересы стран оси в США. Обе палаты: и сенат, и палата представителей – единодушно денонсировали отмену морального эмбарго. Часть прессы сошлась во мнении, что подобная политика несовместима с декларируемым лозунгом о предоставлении максимальной помощи Англии. Поскольку моральное эмбарго было объявлено снятым в момент, когда Акт о ленд-лизе находился в стадии обсуждения, это породило почву для опасений, что под него попадет и Россия³⁵. Тем не менее, поскольку администрация искала советской дружбы, пусть и преследовала при этом свои рациональные цели, акцентирование на том, что Советский

Союз не будет включен в список стран, на которые распространяется ленд-лиз, еще более осложнило бы положение. Наконец, 11 апреля Государственным департаментом была принята общая установка, согласно которой разрешался экспорт готовых изделий, которые не были востребованы программой обороны или правительствами стран, получающих помощь по ленд-лизу. Это ни в коей мере не решило проблемы Уэллеса и не смягчило позицию Уманского³⁶.

В то же время по Европе довольно активно циркулировали слухи о неминуемом нападении Германии на Советский Союз. Но если в Кремле и подозревали что-то похожее, там никак даже не намекали на это. Москва продолжала поставлять немцам пшеницу; с Дальнего Востока по Транссибирской железной дороге в Берлин доставляли резину. Для того чтобы не вызвать недовольства наци, русские даже отказались от своего проюгославского политического курса. Еще 6 февраля 1941 г. посол Соединенных Штатов в Румынии пришел к выводу о том, что все признаки свидетельствовали о «скором начале войны между Германией и Россией». Американский торговый атташе в Берлине Сэм Вудс узнал о том, что наци обсуждают планы нападения на Советский Союз, еще летом 1940 г. В январе 1941 г. друг Вудса, работавший в немецком правительстве, скрытно передал ему под покровом темноты в одном из театров копию Директивы № 21, подписанной Гитлером. В данном документе описывалась подготовка Гитлером операции «Барбаросса», вторже-

ния в Россию. Даже тогда, когда билль о ленд-лизе все еще находился в стадии обсуждения, американское руководство уже знало, что советско-нацистское соглашение вот-вот разлетится вдребезги³⁷.

Несмотря на то что 1 марта он получил на это разрешение, Штейнгардт отказался передать эту информацию народному комиссару Молотову в Москве. Штейнгардт опасался, что Советы воспримут это как попытку англо-американцев втянуть Россию в войну на своей стороне, или что это заставит русских искать путей к миру за счет Турции или Финляндии или обеих этих стран, или что это приведет к еще большему сближению Москвы и Берлина. 1 марта в Вашингтоне, после консультации с Рузвельтом и Халлом, Уэллес рассказал Уманскому о планах Гитлера. Как отметил Уэллес, «мистер Уманский сразу же сильно побледнел. Какое-то время он молчал». Затем он поблагодарил Уэллеса и выразил благодарность от лица своей страны. Какое-то время казалось, что дипломатический климат вот-вот прояснится. В конце марта Уманский поделился с Уэллесом опасениями относительно Германии, назвал несущественными возникшие в советско-американских торговых переговорах трудности, а также объявил о том, что у Советского Союза и США совпадают долгосрочные политические цели. Но к апрелю из Кремля снова повеяло холодом, несмотря на все слова Уманского об экономическом соглашении и взаимопонимании во внешней политике. Он дал понять Уэллесу, что для начала Америка

должна была признать Прибалтику частью России. Затем 13 апреля Москва заключила Пакт о нейтралитете с Японией: Кремль стремился избежать войны на два фронта³⁸

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.